

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

Научная статья

Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы

Ф. Атрисангари

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Любое решение, которое принимается во внешней политике той или иной страны, формируется на основе определенных принципов и норм, которые определяют идентичность и роль этой страны в мире. Нормы, лежащие в основе идентичности Исламской Республики Иран, являются многообразными, однако ни одна из этих норм целиком не довлечет над внешней политикой этой страны. Иран как страна, расположенная внутри сразу нескольких стратегических регионов или по соседству с ними, демонстрирует в каждом из этих регионов различное внешнеполитическое поведение, опирающееся на различные нормы. Например, внешняя политика Ирана в Закавказье определяется принципами и нормами, которые в одних случаях аналогичны принципам и нормам, формирующим иранскую внешнюю политику в западной части Азии, а в других случаях отличаются от них. Эти образцы поведения могут объясняться двумя понятиями: идентичностью и национальными интересами. Настоящая работа посвящена определению роли идентичности при определении национальных интересов Ирана в Закавказье и рассматривает внешнюю политику Ирана в указанном регионе именно в этих рамках. В то же время данная статья частично посвящена изучению вызовов, связанных с принципами и нормами, определяющими внешнюю политику, а также выявлению недостатков внешней политики Ирана в регионе Закавказья.

Ключевые слова: идентичность, внешняя политика Ирана, конструктивизм, национальные интересы, Южный Кавказ

Введение

Идентичность – это ключевое понятие в определении внешней политики стран. Поскольку идентичности формируют интересы и действия акторов, их правильное понимание имеет большое значение для анализа внешней политики и поведения акторов на международной арене.

Идентичность означает относительно устойчивое понимание, опирающееся на присущие тому или иному актору конкретные роли и ожидания других акторов. Поэтому она представляет собой относительное понятие [1]. По мнению Александра Вендта, социальные идентичности проявляются в

© Атрисангари Ф., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

той или иной конкретной форме в зависимости от других акторов, так что формируют определенные интересы, а также политические решения. Тот факт, относятся ли к «другому» как другу, сопернику или врагу, создает большую разницу во взаимодействии между ними [2]. Несмотря на это, в прагматизме и конструктивизме отрицается восприятие идентичности и интересов как очевидных и заранее определенных вещей, потому что они представляют собой предметы, создаваемые людьми, а потому можно создавать их иным образом [3].

Конструктивисты устанавливают связь между идентичностью и интересами тремя способами. Во-первых, сущностные национальные интересы государства создают цели, выигрыши и блага, к которым стремится государство; во-вторых, конкретные убеждения, которые коренятся в идентичности игроков, помогают определить ситуации, в которых формируются действия, направленные на дополнение этих интересов, что оказывает влияние на определение приоритетов государства по поводу специфических вариантов поведения; в-третьих, они включают в себя конкретные «идентичности», правила и практики, которые четко определяют, какая из стратегий должна получить приоритетный характер. Конечно, они могут накладывать ограничения также на выбор конкретных вариантов внешнеполитического поведения [1].

Идентичность государства создает для него в рамках упорядоченной структуры определенные интересы, которые, в свою очередь, формируют действия и поведение государства. Каждое государство определяет интересы в соответствии со своей ролью и статусом, изменение в котором может вызвать размывание идентичности и неопределенность государственных интересов, что проявляется также и во внешнеполитическом поведении.

Принимая во внимание вышесказанное, чтобы провести анализ и компаративное изучение внешней политики стран на уровне какого-либо региона, нужно учитывать определенные параметры и рассматривать на их основе внешнюю политику. Эти параметры испытывают на себе влияние со стороны понятия идентичности и формулируются с учетом двух критериев: во-первых, влияния идентичности на восприятие своей самости, а вслед за тем и восприятие «другого», а во-вторых, влияния этого восприятия на характер действий государства в регионе. В данной работе мы разберем несколько ключевых вопросов, относящихся к критериям, на основе которых разъясняется региональная внешняя политика.

1. Как страны воспринимают регион в целом? Какие очевидные особенности в нем они выделяют и как они видят свою роль в нем? Например, считают ли они, что очевидной особенностью региона является его геостратегический характер, воспринимают его как важный торгово-экономический ареал или выдающийся в культурно-цивилизационном отношении регион?

2. В региональном ареале региональные институты и вытекающее из них региональное сотрудничество могут отвечать интересам конкретных стран, или же, напротив, эти страны могут извлекать пользу из наличия противоречий.

3. Как отдельные страны смотрят на угрозы, возможности и будущее и как их воспринимают, потому что в зависимости от этого отношения формируются условия для сотрудничества или, напротив, противостояния между странами региона?

4. Какой ролью страны региона наделяют внерегиональные силы?

5. Как страны региона воспринимают самих себя, или, иначе говоря, на основе чего они оправдывают свою деятельность в качестве акторов? Считают ли они себя мировыми или региональными державами? Это важно, потому что страны проводят внешнюю политику, ограничивают или расширяют сферу своей деятельности на основе восприятия самих себя.

Учитывая вышеупомянутые факторы, настоящая статья имеет целью рассмотреть внешнюю политику Ирана в Закавказье в контексте фактора идентичности. Таким образом, основной вопрос настоящего исследования заключается в том, какую роль играет «идентичность» во внешней политике Ирана в Закавказье?

Гипотезой данного исследования является то, что понятие идентичности во внешней политике Ирана не определяет региона Закавказья в качестве сферы жизненно важных и стратегических интересов ИРИ и его относительно ограничивающее воздействие ведет к ограничениям в практической деятельности Ирана в указанном регионе. Это обусловлено теми механизмами, в которых идентичность определяется различными нормами, создающими также для каждой страны роли, а затем и специфические интересы.

Методология исследования

В статье нами использован качественный метод на основе описания и анализа процессов, поэтому данное исследование и конечный анализ носят качественный характер. Исследовательский подход, имеющий место в этой статье, носит индуктивный характер и позволяет использовать собранные данные для получения адекватной модели анализа роли идентичности в определении национальных интересов Ирана в Закавказье.

Данное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Во внешней политике Ирана имеются разнообразные нормы, формирующие идентичность Исламской Республики Иран, каждая из которых имеет различные подразделения. В частности, чтобы проводить свою политику в различных регионах, Иран придерживается разных норм.

Иран признает за собой роль региональной державы. Поэтому его действия должны выходить за рамки его границ и демонстрировать его влияние в регионе. Несмотря на это, вряд ли в действиях Ирана можно наблюдать подобный размах.

Иран и Южный Кавказ: роль идентичности

Роль национальной идентичности во внешней политике Ирана проявляется в форме непосредственного влияния на национальные интересы страны.

Важнейшим фактором, определяющим национальные мотивы и интересы Ирана, является идентичность, которую эта страна определяет для себя и которая, в свою очередь, является результирующей национальных и наднациональных норм. Поэтому, во-первых, различные идентичности предполагают разные интересы, так что их изменение ведет к изменению национальных интересов страны. Во-вторых, ключевой элемент в определении национальной идентичности определяет ее приоритеты в национальных интересах. В-третьих, национальные интересы, которые одновременно противоречат друг другу, влекут за собой несоответствие интересов [4].

В формировании оснований национальной идентичности Исламской Республики Иран или конституирующих ее норм выделяют многочисленные ресурсы и интересубъективные семантические системы, которые оказывают влияние на этот процесс. В этой работе используется структура, в рамках которой идентичностные нормы и интересы Ирана делятся на «националистические» или «ираноцентристские», «шиито-исламистские», «тьермондистские» и связанные с «господствующей в международных отношениях международной ценностной системой». Таким образом, нормы, конституирующие идентичность Исламской Республики Иран, носят разнообразный характер и имеют различные подразделения, одни из которых типа шиитского исламизма наделяют Иран ролями, выходящими далеко за рамки его географических границ, а другие типа дискурса международных отношений признают в качестве сферы суверенитета государственные границы страны. К тому же каждая из национальных ролей, которые возникают на основе норм, конституирующих идентичность Исламской Республики Иран, предполагает определенные национальные интересы. Несмотря на это, хотя нормы, конституирующие идентичность Исламской Республики Иран, и являются разнообразными, каждая из них может устанавливать для Ирана определенные роли внутри и за пределами его географических границ, однако ни одна из этих норм никогда не определяла целиком внешнюю политику ИРИ, и для осуществления своей политики в различных регионах Иран руководствуется различными нормами [4]. Различия в подходах к понятию национальных интересов Исламской Республики Иран обусловлены их ценностно-ориентированным характером.

Возможно, пониманию этого обстоятельства поспособствует обзор следующих особенностей Конституции Исламской Республики Иран: во время принятия этого документа имели место структурные проблемы внутри страны, шел процесс исламизации всех сфер публичной жизни, осуществлявшийся религиозными лидерами. В статье 177 новой иранской Конституции внешней политике отводилось только четыре статьи (ст. 152–155 Конституции ИРИ) [5].

Национальные интересы и цели внешней политики Исламской Республики Иран на протяжении истории всегда были разными. Несмотря на это, эти цели всегда включали в себя такие моменты, как ислам и шиизм, отрицание гегемонии США в международном сообществе и региональной гегемонии.

монии Израиля, поддержка мусульман, угнетенных и освободительных движений, экономическое развитие и рост, сохранение территориальной целостности и национального суверенитета, противостояние Западу. В документе «Двадцатилетняя перспектива Ирана» одной из целей страны является достижение ведущих позиций в экономике и научно-технической сфере на уровне региона Юго-Западной Азии (в том числе Средней Азии, Закавказья, Западной Азии и соседних стран) [6]. В то же время, учитывая большое количество институтов, оказывающих влияние на внешнюю политику Ирана, во многих случаях цели вступают в противоречие друг с другом и не всегда согласуются между собой. Например, помимо президента, парламента и министерства иностранных дел, которые, в соответствии с Конституцией, влияют на формирование и исполнение внешней политики страны, в этом процессе также принимают участие такие учреждения, как Ассамблея определения государственной целесообразности, Высший совет национальной безопасности, Высший совет культурной революции, Корпус стражей Исламской революции и ряд других неправительственных организаций [6].

Внешняя политика Ирана в регионе Кавказа в постсоветский период переживала взлеты и падения. Однако можно сказать, что на евразийском пространстве Кавказ имеет для Ирана наибольшее значение по сравнению со всеми остальными регионами, потому что, с одной стороны, мусульмане Республики Азербайджан, в отличие от мусульман Центрально-Азиатского региона, по большей части являются шиитами, а с другой стороны, Иран имеет очень тесные исторические связи с Арменией, которая, в свою очередь, по целому ряду исторических и географических причин сохранила свои отношения с Ираном.

С точки зрения принципов, определяющих внешнюю политику страны, принцип экспорта Исламской революции за рубеж был изменен, и во главе угла всей внешней политики Исламской Республики Иран в данном регионе находится обеспечение национальной безопасности и территориальной целостности страны вкупе с сохранением дружественных отношений с соседними странами Закавказья [7].

Яркая черта внешней политики Ирана в регионе Закавказья, которая в значительной мере отличает ее от политики двух других соседей – России и Турции, состоит в сохранении и преемственности дипломатических отношений со всеми тремя республиками Закавказья. Отношения Турции с Арменией прервались в связи с карабахским конфликтом в 1992 г., а российско-грузинские отношения прекратились после ввода российских войск в Абхазию и Южную Осетию в августе 2008 г. [8]. Это обстоятельство предоставляет Ирану очень ценную возможность для занятия сбалансированного и единообразного подхода к этим странам, который можно рассматривать как «закавказскую политику Ирана» [9].

Иран одним из первых в мире официально признал независимость Армении, Азербайджана и Грузии и открыл в Ереване, Баку и Тбилиси свои дипломатические представительства. В периоды конфликтов и войн в Закав-

казье Иран всегда рассматривал в качестве главного приоритета оказание гуманитарной помощи населению всех трех республик – Армении, Азербайджана и Грузии, поставив этот аспект выше политических и геополитических соображений, а также этнических проблем, связанных с азербайджанцами, армянами и грузинами, мусульманами-шиитами и христианами. В ходе войны в Карабахе он, с одной стороны, открыл свои границы для азербайджанских беженцев, предоставлял им гуманитарную и медицинскую помощь, с другой же стороны, в условиях, когда территория Армении находилась под блокадой со стороны Азербайджана и Турции, благодаря поддержке Ирана в районе Нурдуза в 1992 г. был установлен понтонный мост через реку Аракс, который сыграл ключевую роль для выведения Армении из экономической блокады. Аналогичный подход был применен также в отношении Грузии. Во время кризиса в российско-грузинских отношениях в январе 2006 г., когда был взорван российский газопровод в Грузии и поставки газа в эту страну прекратились, Иран на протяжении 15 дней поставлял этой стране газ. Подобные примеры в отношениях Ирана с республиками Закавказья свидетельствуют об определенном отношении к данному региону.

Поэтому Иран как национальное государство, культура, цивилизация и один из очагов исламской цивилизации может оказывать влияние на регион Кавказа, преследуя в то же самое время интересы, восходящие к этим ролям. Несмотря на это, если говорить о Кавказе, можно выделить в иранской внешней политике на этом направлении в качестве ведущего элемента такую норму, как «международная система ценностей, регулирующих международные отношения», потому что Иран очень осторожно ведет себя даже по отношению к Азербайджану с его шиитским населением по причине обеспокоенности официального Баку относительно влияния идей Исламской революции в этой стране. При этом сам Иран также несколько обеспокоен присутствием у своих северных рубежей азербайджаноязычного государства, а поэтому старается соблюдать баланс между ним и христианской Арменией.

На декларативном уровне не имеется никакого самостоятельного и отдельного документа в сфере внешней политики Ирана в отношении различных регионов мира, в том числе Кавказа. Наличие таких документов, как «Двадцатилетняя перспектива Исламской Республики Иран», рассчитанная на период до 1404 г. по иранской солнечной хиджре, или до 2025 г. по григорианскому календарю, которая была опубликована в 2004 г. в качестве высшего документа и второго по значимости закона после Конституции, показывает, что иранские политики уделяют регионам Центральной Азии и Закавказья особое внимание в рамках обширного географического пространства под названием «Юго-Западная Азия». Центральная Азия и Закавказье рассматриваются в документе «Двадцатилетняя перспектива Исламской Республики Иран» как субрегионы в составе региона «Юго-Западная Азия» [6].

По мнению Махера Халифезаде, основной мотив всей деятельности Тегерана в сфере внешней политики и безопасности на региональном и меж-

дународном поле, в том числе по отношению к Закавказью, обусловлен особой позицией этой страны по отношению к Западу, в частности к США. С другой стороны, Россия выступает против присутствия США на Кавказе, а также в регионе Каспия. Учитывая это совпадение интересов, Иран действует в этом регионе, оставаясь в тени России. С точки зрения Ирана, если позиции России будут достаточно сильны, США и НАТО не смогут создать военные базы вблизи иранских границ. Поэтому сохранение российского господства в этом регионе имеет для Ирана стратегическое значение.

Конечно, отбрасывая в сторону идеологические соображения, связанные с исламом и шиизмом, Иран упорно стремится развивать двусторонние отношения с Закавказьем. Иран всегда старался усилить свою роль в экономике и безопасности региона. Некоторые исследователи считают, что «региональный уклон» может оказаться полезным подходом для Ирана. Несмотря на это, учитывая напряженные отношения между Ираном и США, эта страна не является столь же привлекательной для стран Закавказья, как Турция. Поэтому укрепление двусторонних отношений может восполнить ограниченность возможностей Ирана в плане полномасштабного участия в международных проектах на территории Закавказья и Прикаспийского региона. Кроме того, Иран считает, что двусторонние отношения служат инструментом сохранения стратегического баланса между Грузией, Арменией и Азербайджаном [10].

Рассматривая отношения между Ираном и странами Закавказья, необходимо прежде всего уделить внимание Азербайджану, который близок к Ирану с точки зрения принадлежности большей части его населения к шиитскому исламу. В целом Иран и Азербайджан осторожно подходят к выстраиванию отношений друг с другом, в особенности если учитывать правовой режим Каспийского моря и разногласия по поводу добычи в его бассейне углеводородных ресурсов, что с момента провозглашения независимой Республики Азербайджан поставило отношения между двумя странами в сложное положение. С одной стороны, Иран недоволен тесными отношениями Баку с Западом, США, НАТО и Израилем. Кроме того, быстрое развитие топливно-энергетического комплекса Азербайджана произошло в тот момент, когда энергетический сектор Ирана стал испытывать трудности в связи с санкциями. Однако Иран и Азербайджан расширяли прагматическое сотрудничество путем наращивания торговых отношений, в особенности обмена визитами бизнес-делегаций [11].

Отношения между Ираном и Азербайджаном в период пребывания на посту президента Хасана Роухани получили заметное развитие и преодолели сложные, а иногда и очень напряженные условия 2007–2013 гг. Многочисленные встречи президентов и формирование трехстороннего механизма реализации проекта транспортного коридора «Север – Юг» (Иран, Азербайджан, Россия) путем соединения железнодорожной сети трех стран служат еще одним признаком развития отношений между Тегераном и Баку. К основным причинам сближения Тегерана и Баку на данном этапе относятся:

падение цен на нефть и газ на мировом рынке, необходимость сотрудничества с Ираном для Азербайджана как страны, которая не имеет членства в ОПЕК, охлаждение в отношениях Азербайджана с западными странами, ядерная сделка Ирана со странами шестерки (Группа 5+1) и снятие наложенных на него санкций, наличие общих для Азербайджана и Ирана угроз, связанных с терроризмом и религиозным экстремизмом на Кавказе, в Сирии и Ираке [12]. В сфере военных проблем Иран также заключил с Азербайджаном ряд соглашений, и за последние два года министры обороны обеих стран совершили уже несколько визитов друг к другу, что является беспрецедентным для отношений между Тегераном и Баку [9; 13; 14].

Тем не менее эти отношения застряли в одной точке, а именно в вопросе отношений между Ираном и Арменией, которые всегда характеризовались высоким уровнем сотрудничества. Причины этого состоят в подходе Ирана к исламу, проблеме политического ислама и обеспокоенности в Баку этим подходом, отношениях Азербайджана с Израилем, вопросах правового режима Каспийского моря и постоянно поднимаемых проблемах иранского Азербайджана как Южного Азербайджана, являющегося частью единого Азербайджана, что вызывает настороженность в Иране [7].

Будучи ближайшим союзником Турции в Закавказье, Азербайджан в то же самое время сотрудничает одновременно с Ираном, Россией и США [15].

Поэтому, будучи необходимыми сами по себе, отношения Ирана с Арменией также служат уравниванию отношений Ирана с Азербайджаном. По сути, внешнеполитическая позиция Ирана в отношении некоторых мусульманских стран и немусульманских стран с большой долей мусульманского населения представляет собой яркий пример тех идеологических противоречий, в ходе которых национальным интересам оказывается предпочтение перед идеологическими соображениями. Отношения с Россией, Китаем и Азербайджаном считаются примерами именно такого подхода [16].

Что касается отношений Ирана с Грузией, следует заметить, что эти отношения рассматриваются Ираном как один из способов установления баланса в Закавказье и в отношениях с Западом и Россией. Однако не следует пренебрегать ролью факторов Запада и США в развитии этих отношений. Хотя Иран заинтересован в развитии отношений с Тбилиси безотносительно к российско-грузинскому конфликту, Грузия для снижения давления со стороны России нуждается в поддержке Запада, что вступает в противоречие с движением в сторону Ирана. Стратегическое сотрудничество между Грузией и США также вызывает у Ирана беспокойство в отношении ситуации в Закавказье. Усиление прозападной ориентации тогдашнего правительства Грузии на фоне явного и серьезного противостояния предыдущего иранского правительства с западным миром, война августа 2008 г. между Россией и Грузией, ужесточение международных санкций против Ирана в связи с его ядерным досье сыграли важную роль в сокращении отношений между этими двумя странами в период пребывания на посту президента Махмуда Ахмадинежада. Ярким примером этого был односторонний выход Грузии из со-

глашения о безвизовом режиме с Ираном в июне 2013 г. Эта мера была принята, невзирая на то, что в ходе событий августа 2008 г. Иран поддержал национальный суверенитет и территориальную целостность Грузии, не признав официально отделение и одностороннее объявление независимости регионов Южной Осетии и Абхазии [7].

Даже несмотря на подписание СВПД и сокращение проблем с Западом, ирано-грузинские отношения не претерпели особых изменений в силу глубоких различий в приоритетах внешней политики двух стран. Даже после восстановления безвизового режима между двумя странами их отношения так и не вышли на высокий уровень сотрудничества. Например, объем торгового оборота между двумя странами, при увеличении на 50% в 2017–2018 гг., достиг лишь 130 миллионов долл. [17]

Поэтому в краткосрочной перспективе ирано-грузинские отношения по причине геополитического противостояния между США и Россией, а также политической и культурной ориентации Тбилиси на Запад будут носить ограниченный характер. Несмотря на это, в долгосрочной перспективе Грузия, имеющая прямой выход к Черному морю, будет стремиться обеспечить ценность этого актива и превратиться в региональный транспортно-коммуникационный центр, и Иран, в свою очередь, делает попытку воспользоваться Грузией для транспортировки товаров по Черному морю в страны Европы. Также Грузия заинтересована в обеспечении своей энергетической безопасности и прилагает большие усилия в сфере поиска альтернатив энергетическим ресурсам Российской Федерации. В этом контексте Тбилиси также возлагает большие надежды на поставки природного газа и электроэнергии из Ирана и подписал соглашение о сотрудничестве в сфере экспорта иранской электроэнергии в Грузию сухопутным путем через Армению и Азербайджан [7].

Из всех республик Закавказья наиболее тесные отношения Иран имеет с Арменией. Для Армении, которая буквально зажата между Азербайджаном и Турцией, Иран имеет большое геополитическое значение. Точно так же для Ирана, который десятилетиями живет под санкциями Запада и остается в стороне от таких региональных проектов, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (BTC), развитие отношений с Арменией позволяет сохранять статус регионального актора в Закавказье. Именно поэтому между странами ведется сотрудничество по многочисленным направлениям в сфере транспорта, энергетики, коммуникаций и т.д. Иран также реализовал ряд проектов, среди которых можно назвать трубопровод для транспортировки природного газа из Ирана в Армению, который был сдан в эксплуатацию в 2006 г., строительство гидроэлектростанции, линии высоковольтных передач, 470 километров железнодорожных путей в Иране и Армении, 550-километровой автомагистрали «Север – Юг» и проект нефтепровода.

Также Иран и Армения осуществляют проект по строительству газопровода через Армению в Украину, а затем в Европейский Союз. Радиус этого трубопровода составляет 700 мм, а его пропускная способность – 1,2 млрд

кубометров в год. На первоначальном этапе объем поставляемого в Армению из Ирана газа составит 1,1 млрд кубометров в год, а с 2019 г. будет составлять уже 2,3 млрд кубометров в год. Стоимость строительства этого трубопровода составляет 35 млн долларов, 80% которых предоставлены Иранским банком развития в качестве кредита, а оставшаяся часть оплачена Арменией.

В сфере транспорта также подписаны два соглашения, в соответствии с которыми грузовики из Армении смогут не только въезжать в Иран, но и на упрощенных условиях посещать Бандар-Энзели на севере Ирана или Бандар-Аббас на Персидском заливе, а также другие приграничные населенные пункты Ирана. Это соглашение имеет большое значение для Армении, потому что она получает кратчайший путь до России и стран Центральной Азии через воды Каспийского моря. Кроме того, проезд через территорию Ирана по сравнению с маршрутом через грузинские порты Батуми и Поти снижает транспортные расходы на 60% [7].

Несмотря на это, объем торгового оборота между странами очень низок и составляет около 300 млн долларов [11]. Хотя в энергетической отрасли Иран может полностью обеспечивать потребности Армении, он все же вынужден учитывать интересы России. Например, когда в 2014 г. Россия повысила цены на поставляемый в Армению газ на 67%, Иран не предпринял попыток, чтобы выступить в роли альтернативного поставщика на этом рынке.

Тем не менее, новые экономические санкции США [18], принятые после выхода Вашингтона из СВПД, приведут к тому, что Иран будет искать пути для обхода этих санкций и Ереван постарается предложить новые инициативы по развитию сотрудничества, особенно в сфере энергетики и транспорта, чтобы воспользоваться открывшейся возможностью и нейтрализовать негативный эффект таких проектов, как железная дорога Казвин – Астара – Рашт. Этот проект осуществляется в партнерстве с Азербайджаном и может привести к транспортной изоляции Армении [19], потому что Иран является одним из важнейших торгово-экономических партнеров Еревана, и всякое экономическое давление на Иран приведет к давлению и на эту страну. В одном из базовых документов под названием «Стратегия национальной безопасности Республики Армения» (2007) в качестве одной из угроз национальной безопасности этой страны указывается «использование мировым сообществом широкомасштабных экономических санкций в отношении Ирана».

Еще одной проблемой в Закавказье является Каспийское море. В этом случае определение идентичности и интересов Ирана в сфере безопасности требует от него определенной внешней политики. В данном вопросе некоторые исследователи считают, что Иран в период президентства Махмуда Ахмадинежада нуждался по причине санкций, вызванных его ядерной программой, в привлечении поддержки со стороны России и прикаспийских стран, а потому временно отказался от своих претензий на суверенитет над 50% Каспийского бассейна и даже режима совместного использования Кас-

пийского моря. Хотя в этот период Иран осознал, что его интересы и национальная безопасность столкнутся в Каспийском регионе с серьезными вызовами, потому что Азербайджан планировал привлечь инвестиции западных нефтяных компаний, в первую очередь американских, и это обстоятельство вызывало обеспокоенность у Ирана. Поэтому, принимая во внимание реальное положение дел в регионе с вопросом правового статуса Каспия, на третьем саммите глав прикаспийских стран все эти государства подтвердили, что Иран как страна, подписавшая ДНЯО, имеет право на производство и использование атомной энергии в мирных целях в соответствии с Уставом МАГАТЭ. В то же время на этом же саммите было принято решение, что только прикаспийские государства могут размещать на Каспии свои военные суда и силы [20].

Помимо связей в области политики и безопасности Иран также уделяет внимание культурным контактам. Эти контакты включают в себя общую историю, традиции и религию (в случае Азербайджана), а также интерес к персидскому языку в регионе. Вероятно, Азербайджан можно считать самой главной площадкой для применения Ираном инструментов культурной и публичной дипломатии в Закавказье. Однако даже в случае с шиитским Азербайджаном не обходится без сложностей. Во-первых, некоторые религиозные различия оказали негативное воздействие на отношения между двумя странами, а во-вторых, заметное присутствие Турции в самых разных сферах культурной жизни Азербайджана после провозглашения суверенитета этой страны существенно увеличило потенциал мягкой силы этой страны в Азербайджане [21].

Общие исторические, цивилизационные и культурные особенности, влияние персидского языка на грузинский язык и литературу, сходства в культуре и традициях двух народов служат предпосылками, которые могут повысить уровень культурной и публичной дипломатии Ирана в отношениях с Грузией. Однако еще одним важным игроком в сфере культурной дипломатии и мягкой силы в Грузии являются США. После Революции роз Вашингтон сосредоточил свои усилия по поддержке демократии в Закавказье на Грузии. Что касается Армении, наличие 90-тысячного армянского населения в таких городах Ирана, как Урмия, Тебриз и Джульфа, послужило основой для культурных связей между Ираном и Арменией, расширения сотрудничества двух стран в сфере культуры и искусства. Несмотря на это, Иран избегает масштабных мер по популяризации своей культуры в Закавказье, как и в Центральной Азии, в силу существующих там противоречий, различий и предубеждений, потому что культурная политика в этих регионах сопровождается множеством деликатных моментов, которые требуют тщательного и масштабного планирования, при том что Иран, по сути, считает для себя приоритетным ближневосточное направление. Вместе с тем после заключения Всеобъемлющего соглашения Иран в очередной раз сконцентрировался на Европейском Союзе, Японии, Южной Корее и Восточной

Азии. В то же время Центральная Азия и Закавказье все еще остаются второстепенными направлениями для внешней политики Ирана [22].

В то же время одним из направлений политики Ирана является стремление участвовать в региональных организациях и их укреплении. Хотя в связи с имеющимися в регионе противоречиями и конфликтами отсутствуют какие-либо региональные организации, которые включали бы в себя все страны Закавказья одновременно, Иран старается зафиксировать свои отношения со всеми государствами региона в рамках определенных организационных структур. Конечно, проводимая США политика сдерживания Ирана и международные санкции ограничивают возможности для обеспечения активной роли Исламской Республики Иран в регионе, и, несмотря на наличие общего наследия и исторических связей с народами Азербайджана, Грузии и Армении, возможности для развития отношений со странами Закавказья на приемлемом уровне так и не сложились. Поэтому Исламская Республика Иран ради выполнения своих целей вынужденно обратилась к региональным союзам с другими влиятельными странами в Закавказье, такими как Россия и Турция [23]. К имеющимся механизмам многостороннего сотрудничества относятся Россия и Иран, Азербайджан, Турция.

К тому же в связи с карабахским кризисом, если не считать неудачной попытки Ирана выступить в роли арбитра, в целом позиция Ирана состояла в том, что этот кризис должен быть разрешен в рамках международных норм на основе мирных и справедливых переговоров обеих сторон, и Иран, в свою очередь, официально признает территориальную целостность Азербайджана в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН, который подтвердил оккупацию Арменией 20% территории Азербайджана и потребовал вывода армянских военных из этих районов. Однако, несмотря на это, азербайджанцы выражают недовольство уровнем сотрудничества Ирана и Армении, хотя и не ожидают от Ирана, что он будет воевать вместе с ними против армян. Власти Азербайджана требуют сокращения отношений Ирана и Армении или прекращения поставок в Армению газа, нефти и оборудования для объектов инфраструктуры [16]. Вместе с тем в действительности Иран имеет хорошие отношения с обеими сторонами этого конфликта, а потому указанный кризис не угрожает безопасности и национальным интересам ИРИ, при том что для России эта проблема и ее решение при участии Москвы имеет большее значение.

Выводы

Таким образом, имеются разнообразные нормы, формирующие идентичность Исламской Республики Иран, каждая из которых имеет различные составляющие. Одни из них, например шиитский исланизм, наделяют Иран ролью, которая выходит далеко за пределы его географических границ, а другие, типа дискурса международных отношений, признают суверенитет исключительно в национальных границах.

Несмотря на все это, во внешней политике Ирана ни одна из этих норм никогда не была господствующей. В частности, чтобы проводить свою политику в различных регионах, Иран придерживается различных норм.

Другой момент состоит в том, что Иран, обладающий высоким потенциалом для экономического присутствия в регионе, все же не играет в экономике региона активной роли по причине своей экономической слабости, а также по ряду политических причин, в том числе настороженного отношения России, и в плане развития культурных отношений, невзирая на историческую и религиозную близость с народами этого региона, имеет не так много возможностей для деятельности в регионе по причине все той же экономической слабости, отсутствия возможностей для осуществления инвестиций и настороженности этих стран в связи с религиозной политикой Ирана.

В региональных отношениях усилия Ирана всегда были направлены на укрепление региональных институтов и связанного с ними сотрудничества. Власти ИРИ всегда заявляли, что любые столкновения в регионе наносят ущерб безопасности самого Ирана и региона в целом. Именно поэтому Иран всегда делает акцент на необходимости мирного разрешения разногласий, преследуя тем самым цель усиления региональных механизмов. Поэтому ИРИ учитывает укрепление существующих в Евразии региональных организаций (в особенности ШОС, в деятельности которой наиболее ярко выражен аспект безопасности) и прилагает усилия в направлении получения членства в них. Эта страна исходит из того, что важнейшие угрозы региону исходят от вакуума власти в регионе и связанных с ним вызовов. В частности, Иран обеспокоен их влиянием на его внутреннюю безопасность. Самая большая угроза исходит от присутствия внерегиональных сил. По сути, Иран считает, что безопасность в регионе возникает благодаря сотрудничеству самих стран региона, а присутствие внерегиональных государств создает нестабильность и нездоровую конкуренцию в Евразии. Рассматривая последнюю характеристику региональной внешней политики Ирана, мы понимаем, что Иран признает за собой роль региональной державы, на что он указывает в документе «Двадцатилетняя перспектива». Несмотря на это, в этом конкретном случае обращает на себя внимание то, что действия и меры Ирана не ограничиваются уровнем региональной державы, то есть, если Иран видит себя в этом регионе в статусе региональной державы, его действия должны выходить за рамки его границ и демонстрировать его влияние в регионе. Несмотря на это, вряд ли в действиях Ирана можно наблюдать подобный размах.

Библиографический список

- [1] *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. Vol. 23. № 1. P. 174–179.
- [2] *Wendt A.* Collective Identity Formation and the International State // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. № 2. P. 390–396.

- [3] *Smith S.* Positivism and Beyond // *International Theory: Positivism & Beyond* / Ed. by S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 23–24.
- [4] *Дехгани Фирюзабади С.Дж.* Идентичность и интерес во внешней политике Исламской Республики Иран // *Национальные интересы Исламской Республики Иран* / под ред. Кияни Д. Тегеран: Институт стратегических исследований, 2007. С. 125–134, 108–148 (на перс.).
- [5] *Дружиловский С.Б.* Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции // *Вестник МГИМО-университета*. 2010. № 1. С. 166–172.
- [6] *Перспектива Исламской Республики Иран до 1404 года солнечной хиджры* // *Ассамблея по определению государственной целесообразности*. 04.11.2003. Режим доступа: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?siteid=3&fkeyid=&siteid=3&pageid=530>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [7] *Наджафов Г.* Иран и государства Южного Кавказа // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. № 55. С. 41–51.
- [8] *Офлаз Б.* Геополитические стратегии региональных держав на Южном Кавказе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2013. № 161. С. 146–150.
- [9] *Маляян Е.* Отношения между Ираном и странами Закавказья: политический обзор // *Армянский музей Москвы и культуры наций*. 16.04.2018. Режим доступа: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1>. Дата обращения: 01.11.2019.
- [10] *Халифа-Заде М.* Иран и борьба за влияние на Южном Кавказе // *Центральная Азия и Кавказ*. 2011. Т. 14. № 1. С. 59–71.
- [11] *Тишеев М, Бахрами С.* Практико-ориентированная внешняя политика Ирана в регионе Закавказья в атмосфере, сложившейся после подписания Всеобъемлющего соглашения // *Центрально-азиатские исследования*. 2018. Т. 1. С. 30–33 (на перс.).
- [12] *Кузегар Каледжи В.* Страны Центральной Азии и Закавказья во внешней политике Ирана: наследие прошлого и предстоящая перспектива // *Институт иранских и евразийских исследований (IRAS)*. 24.05.2017. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3180/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [13] *Акцент на развитие военного и оборонного сотрудничества между Ираном и Республикой Азербайджан* // *ИА ПАРС ТУДЕЙ*. 16.01.2019. Режим доступа: <http://parstoday.com/fa/iran-il58420>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [14] *Ильхам Алиев: Поездка Роухани в Азербайджан – это показатель прекрасных отношений Тегерана и Баку* // *ИА ТАСНИМ*. 04.08.2016. Режим доступа: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/05/13/1147573>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [15] *Иванов А.Г.* Политика России на Южном Кавказе в контексте проблем международной безопасности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 6. С. 35–39.
- [16] *Карабахский кризис и позиция Исламской Республики Иран: Интервью с Афшар Солеймани, бывшим послом Ирана в Баку* // *ИА Хабар-Онлайн*. 24.02.2018. Режим доступа: <https://www.khabaronline.ir/news/756724/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [17] *Отношения между Ираном и Грузией в 2017–2018 годы* // *ИА ИРНА*. 21.02.2018. Режим доступа: <http://www.irna.ir/fa/News/82881833>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [18] *Иванов В.Г.* Влияние динамики экспорта на уровень политической стабильности на примере России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2012. № 3. С. 46–70.
- [19] *Андреева Е.С.* Интересы Ирана на Южном Кавказе сквозь призму отношений Тегерана с Арменией // *Проблемы Национальной Стратегии*. 2019; № 1 (52). Режим доступа: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2019/03/08.pdf>. Дата обращения: 01.11.2019.
- [20] *Бехзади Р.* Внешняя политика Ирана в Каспийском бассейне. Между национальными интересами и исламистскими авантюрами // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. № 11 (3). С. 98–108.

- [21] Дехишири М. Публичная дипломатия Ирана в Закавказье: требования и подходы // Институт иранских и евразийских исследований (IRAS). 12.03.2018. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/article/3591/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [22] Бехештинур Х. У Ирана есть более важные вопросы, чем Центральная Азия // СААNetwork. 18.07.2017. Режим доступа: <http://caa-network.org/archives/9686>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).
- [23] Казем-заде Хамед. Место Ирана в будущих изменениях на Кавказе в «Горизонте 2020» Европейского Союза // Институт иранских и евразийских исследований (IRAS). 11.12.2017. Режим доступа: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3465/>. Дата обращения: 01.11.2019 (на перс.).

История статьи:

Статья поступила в редакцию 13.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

Research article

Iranian Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests

F. Atrisangari

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. Any foreign policy decision of a country is formed on the basis of certain principles and norms that constitute the identity and determine the role of this country. In case with Iran, although the norms that form the identity of the Islamic Republic are diverse and each of them can determine the role of the country outside its geographical borders, none of these norms totally dominates Iran's foreign policy. Iran is a country located within (or neighboring to) several strategic regions, and in each of these regions it demonstrates different foreign policy strategy based on different norms. For example, Iran's foreign policy in Transcaucasia is determined by principles and norms which, in some cases, are similar to the principles and norms of Iran's foreign policy in Western Asia and, in other cases, are different from them. These divergent patterns of behavior can be accounted for by two concepts: identity and national interests. The article aims at clarifying the role of identity in determining Iran's national interests in Transcaucasia and studies Iran's foreign policy in the region within the mentioned framework. At the same time, the article seeks to examine the challenges associated with the principles and norms determining foreign policy, as well as identify the shortcomings of Iran's foreign policy in the Transcaucasian region.

Key words: identity, Iran's foreign policy, constructivism, national interests, South Caucasus

References

- [1] Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory. *International Security*. 1998; 23 (1): 174–179.
- [2] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*. 1994; 88 (2): 390–396.

- [3] Smith S. Positivism and Beyond. *International Theory: Positivism & Beyond*. Ed. by Smith S., Booth K., Zalewski M. Cambridge: Cambridge University Press; 1996: 23–24.
- [4] Dehgani Firuzabadi S.J. Identity and Interest in Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran. *National Interests of the Islamic Republic of Iran*. Ed by Kiyani D. Tehran: Institute for Strategic Studies; 2007: 125–134, 108–148 (In Pers.).
- [5] Druzhirovsky S.B. Internal Factors of the Formation of Foreign Policy of Iran and Turkey. *Scientific Schools of MGIMO*. 2010; 1: 166–172 (In Russ.).
- [6] Perspective of the Islamic Republic of Iran until 1404 Solar Hijri Year. *Expediency Discernment Council*. 04.11.2003. Available from: <http://www.maslahat.ir/index.jsp?siteid=3&fkeyid=&siteid=3&pageid=530>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [7] Najafov H.N. Iran and the States of the South Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*. 2008; 55: 41–51 (In Russ.).
- [8] Oflaz B. Geopolitical Strategies of Regional Powers in the South Caucasus. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. 2013; 161: 146–150 (In Russ.).
- [9] Mayilian E. Relations between Iran and the Countries of the Caucasus: A Political Review. *Armenian Museum of Moscow and the Culture of the Nations*. 16.04.2018. Available from: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/2018/4/16/--1>. Accessed: 01.11.2019 (In Russ.).
- [10] Khalifa Zadeh M. Iran and the Struggle for Influence in the South Caucasus; The Main Factors in Iranian Foreign Policy. *Central Asia and the Caucasus*. 2011; 14 (1): 59–71 (In Russ.).
- [11] Tisheyar M., Bahrami S. Iran’s Pragmatic Foreign Policy toward South Caucasus in the Post-JCPOA Era. *Central Eurasia Studies*. 2018; 1: 30–33 (In Pers.).
- [12] Kuzegar Kalegi V. The Countries of Central Asia and the Caucasus in the Foreign Policy of Iran: The Legacy of the Past and the Future Perspective. *Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS)*. 24.05.2017. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3180/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [13] Focus on the Development of Military and Defense Cooperation between Iran and the Republic of Azerbaijan. *Pars Today News Agency*. 16.01.2019. Available from: <http://parstoday.com/fa/iran-i158420>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [14] Ilham Alief: Rouhani’s Visit to Azerbaijan is a Sign of the Excellent Relations between Tehran and Baku. *TASNIM News Agency*. 04.08.2016. Available from: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/05/13/1147573>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [15] Ivanov A.G. Russia’s Policy in the South Caucasus in the Context of International Security Problems. *Historical and Socio-Educational Thought*. 2012; 6: 35–39 (In Russ.).
- [16] The Karabakh Crisis and the Position of the Islamic Republic of Iran; Interview with Afshar Soleimani; former Iranian ambassador to Baku. *KHABAR ONLINE News Agency*. 24.02.2018. Available from: <https://www.khabaronline.ir/news/756724/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [17] Relations between Iran and Georgia in 2017-2018. *Islamic Republic of Iran News Agency*. 09.04.2018. Available from: <http://www.irna.ir/fa/News/82881833>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [18] Ivanov V.G. The Influence of Dynamics of Export on the Level of Political Stability (on Example of Russia). *RUDN Journal of Political Science*. 2012; 3: 46–70 (In Russ.).
- [19] Andreeva E.S. Iran’s Interests in the South Caucasus through the Prism of Tehran’s Relations with Armenia. *Problems of National Strategy*. 2019; 1 (52). Available from: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2019/03/08.pdf>. Accessed: 01.11.2019 (In Russ.).
- [20] Behzadi R. Iran’s Foreign Policy in The Caspian Sea Basin Oscillation between National Interests and Islamic Adventures. *Central Asia and the Caucasus*. 2010; 11 (3): 98–108 (In Pers.).

- [21] Dehshiri M. Iran's Public Diplomacy in Transcaucasia: Requirements and Approaches. *Institute for Iran – Eurasia Studies (IRAS)*. 12.03.2018. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/article/3591/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [22] Beheshtipur H. Iran Has Problems more Important than Central Asia. CAANetwork. 18.07.2017. Available from: <http://caa-network.org/archives/9686>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).
- [23] Kazem Zade H. Iran's Place in the Future Changes of the Caucasus in the Context of “Horizon 2020” of the European Union. *Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS)*. 11.12.2017. Available from: <http://www.iras.ir/fa/doc/note/3465/>. Accessed: 01.11.2019 (In Pers.).

Article history:

The article was submitted on 13.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Фатемех Атрисангари – стажер кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: fatemeh.atr@yandex.ru).

Information about the author:

Fatemeh Atrisangari – Intern of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: fatemeh.atr@yandex.ru).

Для цитирования:

Атрисангари Ф. Внешняя политика Ирана на Южном Кавказе: идентичность и национальные интересы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 32–48. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48

For citation:

Atrisangari F. Iranian Foreign Policy in the South Caucasus: Identity and National Interests. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 32–48. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-32-48